

Ю.М. Резник

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ФИЛОСОФОМ В РОССИИ

Аннотация. Предметом исследования является состояние современной философской мысли и проблемы развития философского сообщества, которые влияют на положение философов в современном социуме. За основу анализа взяты тексты авторов, вошедшие в книгу «Кто делает философию в России» (Т. 3). Книга вышла в 2015 г. и представляет собой справочное издание, состоящее из двух разделов, введения и заключения. В первом разделе («Философские беседы») приводятся интервью редактора с ведущими философами сегодняшней России. Во втором разделе («Философские манифесты») излагается теоретическое кредо известных исследователей. Метод исследования – текстовый анализ, направленный на выявление идейно-теоретических позиций и профессионально-этических предпочтений авторов данной книги, которые участвуют в формировании теоретического пространства в современной отечественной философии. Используются также средства типологизации и систематизации данных об авторах.

Основными выводами проведённого исследования являются: 1) определение миссии философов как призвания и требования мыслить всеобщее во всей совокупности бытия, мыслить себя в свободе, мыслить из себя (собственной экзистенции); 2) обоснование природы философствования как специфической деятельности мыслителей, признаками которой выступают созерцание, вопрошание к миру, творческое воображение, мышление в свободе, открытая коммуникация и др.; 3) типологическая характеристика авторов книги с точки зрения избранного ими жанра или стиля философствования (академические, самодеятельные и оппозиционно настроенные философы); 4) оценка будущего русской философии и выявление «проблемных зон» в развитии отечественного философского общества, в том числе стилевых различий участников философского дискурса, непродуктивных конфликтов и пр.

Ключевые слова: отечественная философия, миссия философов, мышление, философствование, созерцание, вопрошание, коммуникация, сообщество, дискурс, профессиональная этика.

Review. The subject of research is the state of contemporary philosophical thought and philosophical community development problems affecting the contemporary society of philosophers. The basis for the analysis is the texts written by authors included in the book "Who Creates Philosophy in Russia" (Volume 3). The book was published in 2015 and it is a reference book that consists of two sections, introduction and conclusion. The first section ("Philosophical Discussions") contains the editor's interviews with leading philosophers of today's Russia. The second section ("Philosophical Manifests") sets out the theoretical credo of known researchers. The research method used by the author is the text analysis aimed at identifying the ideological and theoretical positions and professional and ethical preferences of the authors from this book who participate in the formation of the theoretical space in contemporary Russian philosophy. The author has also used the methods of classification and systematization of information about the authors.

The main conclusions of the study are: 1) the definition of the mission of philosophers as a vocation and requirements to think universal beyond the totality of existence, to think themselves in freedom and to think of themselves (their own existence); 2) substantiation of the nature of philosophizing as a specific activity thinkers with such specific features as contemplation, asking for peace, creative imagination, freedom of thinking, open communication, etc.; 3) typological characteristics of the authors of the book in terms of genre or style they have used in their philosophizing (academic, independent and opposition-minded philosophers); 4) assessment of future Russian philosophy and identification of "problem areas" in the development of the domestic philosophical society including stylistic differences of participants in the philosophical discourse, nonproductive conflicts, etc.

Keywords: society, communication, questioning, contemplation, philosophizing, cogitation, philosopher's mission, Russian philosophy, discourse, professional ethics.

Первое впечатление о книге. У каждого нового поколения в отечественной философии есть свой шанс войти в историю мысли, оставить свой концептуальный след. И делать это можно по-разному, отрицая своих предшественников или, напротив, ведя равноправный спор с ними и предлагая собственные концептуальные модели решения извечных философских проблем. В сухом остатке оказываются лишь смелые, порой новаторские идеи, а также фундаментальные труды, получившие заслуженное признание профессионального философского сообщества. Добротный и профессиональный текст видно издали и он входит в анналы истории философии надолго.

Поэтому я, как и многие исследователи, не согласен с тезисом о том, что «идеальный философский текст является бессловесным, а речь немой» [1, с. 73]. Тексты содержат смыслы и по ним мы сверяем своё знание о сущем и его бытии. Философия как «мышление для людей» живёт в текстах – письменных и устных. К тому же она не только дискурсивна, но и проективна. Каждый настоящий философ предлагает свой проект бытия, предназначенный для изучения и, возможно, распространения его потомками.

У издателей и автора-составителя книги интересный замысел – представить панораму мнений и позиций ведущих философов современной России. Жанры публикаций самые разнообразные – от интервью (беседы) до обзорных статей. До сих пор это не удавалось практически никому из издателей философской литературы. Могу только отметить свой собственный опыт философских бесед, опубликованных в журнале «Личность. Культура. Общество» в течение последних 15 лет. Всего нами опубликовано свыше 30 интервью с известными философами России.

В целом мне понравилось содержание большинства статей и материалов книги. Их отличает не только искренность и откровенность, но и концептуальность. Конечно, это – безусловная заслуга редактора и составителя книги. Уже первые интервью поражают глубиной анализа проблем и неожиданным ракурсами их решениями.

Но имеются и отдельные шероховатости, которые можно объяснить слегка экстравагантным стилем редактора, его напряжённым отношением к официальной философии и её представителям. Так, например, мне не понравилось название книги: «Кто сегодня делает философию в России». Здесь я

присоединяюсь к мнению одного из авторов этой книги А.П. Огурцова, который справедливо считает, что философию не делают подобно табуреткам. Она напоминает работу ткача. Её создают в виде идей, напоминающих нити, которые могут порваться, и тогда распадается связь времён [1, с. 140].

К тому же книгу предваряют два очень странных, на мой взгляд, материала: амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза Смирнову Юлию Евгеньевичу и предисловие редактора «Реванш философии». Первое я оставляю без внимания. Я лично не знаком с Ю.Е. Смирновым и ничего не могу сказать по этому поводу. Странно то, что читатели сами должны догадаться, в чём же заключается задумка редактора: желает ли он шокировать философскую публику и вызвать её негодование, обращая внимания на вопиющий факт нарушения прав человека, отсылающий нас к советскому прошлому, когда диссиденты и просто инакомыслящие могли легко угодить в психлечебницу, или же у него другие, неведомые нам планы, известные только посвященным. Откуда нам знать. Нас не хотят посвящать сразу, а заставляют погружаться сначала в судебные разбирательства, а затем самостоятельно связывать их «виновника» с проблемами философского сообщества, которые он олицетворяет. А может эти проблемы надуманы?

Что же касается предисловия самого А.С. Нилова («Реванш философии»), то в нём мне трудно уловить здравый смысл. Это – поток сознания человека, размышляющего на грани дозволенного и недозволенного, а также опирающегося на собственную, недоступную нам логику. Мне трудно оценить бег ассоциаций, который явно опережает ход мыслей автора. Но вместе с тем я не могу отказать ему в смелости и напористости мышления.

Таким образом, моё впечатление о книге, судя по первым публикациям, оказалось неполным и не очень выразительным. Я могу лишь догадываться о том, что или чего хочет редактор (он же составитель). Кое-что ему уже удалось: пробудить интерес к своей книге, который возникает после знакомства с её содержанием. Всё начинается с удивления. Я как читатель удивлён, увидев столько участников проекта, принадлежащих к разным исследовательским группам. Читателя всегда интригует неизвестность. А здесь её предостаточно.

Прежде всего, поражает состав участников проекта и разнообразие их позиций в философском обществе. Попытаюсь их систематизировать. Ведь, по мнению некоторых моих коллег, это у меня получает-

ся лучше всего. Систематизация ещё не есть концептуализация. Последнюю далеко не каждому исследователю удаётся провести без ущерба для прояснения смыслов и продуктивного решения проблем.

Позиции участников проекта. Как подчеркивает редактор, данное издание осуществляется в рамках проекта «Современная русская философия». А это значит, что её авторы – участники проекта, представляющие лицо сегодняшней отечественной философии.

Рассмотрим вначале состав участников. В книге соединены тексты современных русских мыслителей, работающих в разных философских жанрах, в т.ч.: (1) в жанре академических исследований (Н.С. Автономова, О.И. Генисаретский, П.С. Гуревич, В.К. Кантор, В.А. Кутырев, В.И. Молчанов, Н.В. Мотрошилова, С.С. Неретина, А.П. Огурцов, В.А. Подорога, В.С. Стёпин, С.С. Хоружий, В.В. Целищев и др.); (2) не совсем обычных, нетрадиционных жанрах, относящихся к самостоятельной философии, претендующей на создание универсальных теорий (например, «юродивая философия» П.В. Калитина, поствитализм В. Кишинеца, риторическая теория числа С.Е. Шилова, универсальная онтология А.Ю. Шухова, темпоральная онтология А.В. Болдачева, расовая теория времени В.Б. Авдеева, концепция антропокосмизма В.Н. Сагатовского, концепция космического субъекта В.А. Лефевра и др.); а также (3) тех, кто по тем или иным причинам оказался в лагере системной оппозиции и открыто критикует власть, в т.ч. администрацию некоторых философских учреждений (Н.С. Розов, Ю.Е. Смирнов, В.Ф. Шаповалов и др.).

К первой группе принадлежат люди, которым не нужно доказывать свою профессиональную компетентность и разъяснять гражданскую позицию. Мы о них знаем не понаслышке. Эти люди давно и успешно работают в философском сообществе. Они известны своими философскими трудами и яркими публичными выступлениями. При этом все они давно состоялись как оригинальные мыслители и автономные личности. Их отличают в философии энциклопедичность и фундаментальный подход (П.С. Гуревич, Н.В. Мотрошилова, А.П. Огурцов, В.С. Стёпин и др.), концептуальная глубина и разработанность проблемного поля (В.А. Кутырёв, С.С. Неретина, А.П. Огурцов и др.), оригинальность исследовательского замысла и необычность подхода к интерпретации различных граней бытия (О.И. Генисаретский, В.К. Кантор, В.А. Подорога, С.С. Хоружий и др.).

Я не буду останавливаться подробно на характеристике второй группы исследователей, чьи тексты вошли в книгу. Это – особый тип мыслителей, претендующих на создание универсальных теорий и глобальных моделей. Их нужно воспринимать как сопутствующий феномен отечественной философии, которая в отличие от западной, преимущественно институционализированной традиции сохранила ростки самостоятельного мышления, выбивающегося за рамки формальной рациональности.

К последней же группе исследователей относятся как те, кто, продолжая работать в научно-образовательных учреждениях, вступили в конфликт с их формальным руководством исключительно по личным мотивам, считая себя при этом борцами с бюрократическим произволом (В.Ф. Шаповалов, Ю.Е. Смирнов), так и те, кто, занимая в целом прозападническую позицию и критикуя политическую систему страны, считают, что философии в современной России практически нет, а потому разговор о ней бессмыслен (Н.С. Розов). Правда, это не мешает им восхвалять самих себя и избирательно относиться к официальным руководителям философского сообщества, оказавшим им личное содействие. (Если в нынешней отечественной философии автор вспоминает только одно достойное имя, то это беда не самой философии, а его личная проблема, связанная с избирательными свойствами памяти и неприятием инакомыслящих [1, с. 152-153]).

Если бы меня спросили, с какой из групп философского сообщества я себя идентифицирую, то ответ был бы очевидным. Конечно, я связываю свою профессиональную деятельность с академической частью отечественной философии. И поэтому мои оценки состояния русской философии будут даны с позиций именно этой группы исследователей. Мы с ними одной крови. Конечно, у меня, как и всякого человека, имеются свои личные предпочтения и симпатии.

И всё же, несмотря на такой пёстрый состав участников проекта, благодаря редактору А.С. Нилову, который скромно называет себя автором-составителем, его точным и развёрнутым на откровенность вопросам в книге удалось создать необычную атмосферу раскрепощённости и открытости. Все участники диалога говорят искренне и, что самое важное, – говорят о своём, наболевшем, о том, что они знают наверняка и не понаслышке.

Но имеются исключения из правила как по жанру, так и по стилю. Далеко не всё в беседах (интервью) мне лично понятно, и, что самое важное,

хочется читать. Я одинаково дистанцирован как от практик юродствования в философии (П.В. Калитин), так и от необходимости обоснования нанотехнологий как «спасательного жилета» современной цивилизации (В.М. Кишинец). Мне также не хочется смешивать философию и политику, как это делает Н.С. Розин, хотя я, как и В.А. Подорога, не исключаю возможности политики самой философии [1, с. 489].

Наверное, всё это может быть интересным, но к настоящему философствованию имеет самое отдаленное отношение. Конечно, это право редактора и составителя выбирать тех героев, которые ему близки по духу, а главное – соответствуют его грандиозному замыслу. Но ведь и читатель будет выбирать: читать или не читать ему эту книгу.

Но что же тогда я считаю «настоящим» философствованием?

О миссии философа и практике философствования. Прежде чем выразить своё отношение к природе философствования, приведу несколько определений того, чем занимается (или – должен заниматься) философ с точки зрения некоторых выдающихся мыслителей. Философ – это: «...человек, который постоянно переживает вещи из ряда вон выходящие, видит и слышит их угадывает их и жаждет, грезит ими...» [13, с. 97] (Ницше); «...тот, кто сперва должен излечиться от многих недугов собственного рассудка, прежде чем он придёт к понятиям здравого человеческого разума» (Л. Витгенштейн) [16, с. 72]; он занимается «прояснением смыслов» всех проблем и решений, а не открытием истин, как наука (М. Шлик) [16, с. 72]; «человек, улавливающий как бы скрытые трещины в структуре наших понятий, там, где другие видят перед собой только гладкий путь, полный банальностей» (Ф. Вайсман) [4, с. 84]; «...человек, ищущий мудрость» (Ж. Маритен); он постигает фундаментальные реалии, затрагивающие природу вещей, самого человека, Бога, и служит Истине и Свободе [11, с. 273]) и др.

Можно продолжить этот ряд определений миссии философа, но суть его предназначения очевидна. Главная задача философа – добраться до сути вещей, проникнуть в тайны бытия и усовершенствовать логические средства (понятия, концепты и пр.) их постижения. При этом он опирается на философское наследие и собственный экзистенциальный опыт.

Люди, которые собраны редактором в настоящей книге, соответствуют в большинстве своём та-

кому пониманию миссии философа. Каждый из них мыслит всеобщее в мире, исходя из своего жизненного опыта. Поэтому для П.С. Гуревича, так же как и для Ф.А. Гиренка, философия есть строй мышления, а не специальность [1, с. 32]. Это – скорее призвание, образ жизни, а не рутинная работа.

Изложу теперь в тезисной форме свою позицию по вопросу о природе *философствования*. После прочтения ряда оригинальных материалов, опубликованных в рецензируемой книге, мои тезисы кажутся слишком академическими.

Во-первых, философия *созерцает* мир, постигая в нём всеобщее. Созерцание в философии – это вглядывание в мир сущего, высматривание сущностей, коренящихся в жизненном мире [6, с. 29]. Гуссерль называет такие сущности чистыми. Вместе с тем, философия, по К. Ясперсу и Н.А. Бердяеву выполняет функцию ориентирования человека в мире. Она является общей ориентировкой в совокупности бытия человека [2, с. 267].

Ведь по большому счёту философия есть, прежде всего, мыслящий человек, проникающий в тайны бытия и обращающийся от своего имени к другому мыслящему существу. Об этом писал в своё время У. Джеймс: «Философия во всей полновесности этого слова всё же есть лишь мыслящий человек, человек, мыслящий в большей мере о наибожих свойствах бытия, нежели о частностях» [7, с. 14]. О мышлении, которое адресовано другим участникам дискурса, говорит и профессор В.А. Кутырёв.

Философ, как никто другой обладает способностями к рефлексии. Он располагает всей «мощью рефлексивной способности, даром видения и концептуального выражения тех проблем, которые одолевают его современников...» [10, с. 281]. Проблема рефлексии как неотъемлемого инструмента философского познания затрагивается и в тексте рассматриваемой книги.

Во-вторых, философствование есть предельное *вопрошание к миру*. Философ обращается с вопросами ко всей совокупности бытия. В этом смысле философия, по М. Хайдеггеру, «есть вопрошание, в котором мы пытаемся охватить своими вопросами совокупное целое сущего и спрашиваем о нём так, что сами, спрашивающие, оказываемся, поставлены под вопрос» [14, с. 333].

Вопрошание является исходным пунктом философствования. Как считает Ж.-П. Сартр, философ своими вопросами стремится «открыть тоталь-

ность бытия» [12, с. 179]. В то же время он корректирует сами вопросы к бытию и в этом смысле лечит их «как болезнь» (Л. Витгенштейн) [12, с. 27].

Предельное вопрошание – отличительная черта манеры философствования многих авторов книги. Свидетельством тому являются тексты В.С. Стёпина и других участников проекта.

В-третьих, философствование есть *творческий акт*, устремленный к трансцендентному, к переходу за грань мировой данности и природной необходимости. Философия любит мудрость и ищет истину. Её основная задача состоит в трансценденсе, переходе за грани познанного наукой. «Философия есть искусство познания в свободе через творчество идей, противящихся мировой данности и необходимости и проникающих в запредельную сущность мира» [2, с. 269]. И ещё: философия является активным (в познавательном смысле) преодолением действительности, творческим преображением мира. Поэтому философ действует, постигая Истину, т.е. Абсолютного человека, а не созерцает мир, открывая в нём законы внешней необходимости.

Мне близка точка зрения на философию М. Хайдеггера, который считает, что философ воссоздает в своих идеях и образах дом бытия для себя и других. Вместе с тем философ – это человек, который духовно (экзистенциально) обеспокоен и мотивирован на преодоление границ познания [19, с. 18]. Он стремится открыть подлинную реальность и обосноваться в ней (Х. Ортега-и-Гассет) [12, с. 192]. Такая озабоченность миропониманием характерна для большинства участников дискуссии, представленной в рецензируемой книге.

В-четвёртых, философствование есть бытие, *мыслящее* себя из экзистенции и в свободе. Однако, как считает один из авторов рассматриваемой книги С.С. Неретина, «человек – это не просто тот, кто мыслит, а тот, кто любит мысль во имя сохранения жизни» [1, с. 129]. Для неё философия есть любовь-мудрость в одном лице, а также бытие в свободе.

Философы призваны постичь тотальность бытия и его смысловую структуру, исходя из собственной экзистенциальной ситуации и погружаясь в мир другого человека. «Если назначение философии, писал Мерло-Понти, – раскрыть первичный смысл бытия, то она не может оставаться таковой, отворачиваясь от удела человеческого: ей, напротив, необходимо погрузиться в него» [7, с. 14]. Без человека и собственно человеческого в нём невозможно мыслить философски.

Кроме того, философствование помогает человеку обрести свою истинную сущность. «Философия – это то, – писал К. Ясперс, – посредством чего человек становится самим собой, в то время как он становится сопричастным действительности» [18, с. 228]. К нему примыкает Н.А. Бердяев: «...Философ экзистенциального типа не объективирует в процессе познания, не противопоставляет объект субъекту. Его философия есть экспрессивность самого субъекта, погружённого в тайну существования» [2, с. 263].

О субъективной сути философии, её повернутости на мыслящего человека пишут и авторы рецензируемой книги. Так, П.С. Гуревич и В.А. Кутырёв отстаивают принцип сохранения человеческого в человеке и недопущения его превращения в транс- или постчеловека, а в ряде случаев – в зомби [1, с. 37, 80-88]. Я полностью солидарен со своими коллегами в том, что хоронить человека ещё рано. Без него не может быть и самой философии и, по крайней мере, философии человека или философской антропологии.

В-пятых, философствование есть *коммуникация* людей, мыслящих себя в свободе. Эту мысль развивает К. Ясперс. «Философия, – пишет он, – цель истинной общности само-сущих людей, – была делом индивидов, которые в неслыханном избытке собственной боли и собственной достоверности свидетельствовали нам из *одинокой дали*, – не призывая нас последовать за ними... Но сами мы философствуем не из одиночества, а из *коммуникации*. Исходным пунктом для нас становится: как относится и действует (*steht und handelt*) человек к человеку, как индивид к индивиду... Моё философствование всем своим содержанием обязано тем, кто был ко мне близок» [19, с. 20].

Философ всегда адресует свою мысль, выраженную в слове, другому мыслящему существу. «Философствование, – писал М. Хайдеггер, – живо только тогда, когда оно высказывается в слове, выражает себя, что, правда, не обязательно означает «сообщение другим»» [15, с. 439].

Вместе с тем у каждого выдающегося философа есть свой театр, в котором он выступает в главной роли. И это – театр мысли, предназначенный для всех мыслящих людей, которые ищут ответы на вопросы о смысле своего бытия. «Философ – не просто мыслящий человек, отвечающий за то, что он мыслит. Философ есть художник мышления, поскольку он мыслит многоликие возможности мышления, как актер выводит на сцену множество лиц, заключённых в его “я”» [17, с. 93].

Думаю, что когда кто-то критикует возможные миры человека, создаваемые воображением философов, то они забывают о том, что последних следует воспринимать как актеров собственного театра мысли. Это в полной мере относится к нарочитой и во многом наигранной критике представлений Ф.И. Гиренка и В.А. Подороги. Ведь немногим философам удаётся создать при жизни свой театр мысли (или театр собственной мысли).

Театр предполагает команду единомышленников или группу поддержки. Не каждый мыслитель может себе это позволить. Я знаю многих известных философов, которые, обладая ораторским даром и несомненными способностями к творчеству, так и не обзавелись театральной группой, предпочитая оставаться театром одного актёра. Для руководителя собственного театра мысли нужны ещё лидерские качества. В этом откровенно признаётся и В.А. Кутырёв, считая себя философом-одиночкой. «В научно-организационном плане я «сам по себе», без какой-либо официальной или клан(к)овой поддержки, но нет худа без добра, это позволяет высказываться без мировоззренческой оглядки...» [1, с. 90].

Цель философии – духовное единение людей. Такая философия, как считает В.П. Визгин, есть беседа «души с самой собой в свете её притяжения к мудрости, которая вряд ли мыслима без братского единения людей» [5]. Такие душевные беседы иногда удаются участникам рассматриваемого проекта и этим последний вызывает неподдельный интерес.

Таким образом, у каждой социально-профессиональной группы в отечественной философии имеется предпочтительная форма коммуникации. Одни академические исследователи предпочитают вести строгий философский дискурс, предполагающий аргументированный обмен мнениями с целью поиска истины или принятия конвенционального решения о ней. Другие представители академической группы философского сообщества склонны к театрализованным представлениям и эстетической или эмоциональной форме выражения своих идей.

Непродуктивные конфликты редко случаются в академической среде. Они свидетельствуют о недостатке профессиональных качеств и этических проблемах их виновников. У самостоятельных философов отсутствуют какие-либо самостоятельные виды коммуникаций. Как правило, они используют официальные академические и университетские площадки для продвижения своих взглядов. А вот

оппозиционно настроенные исследователи часто используют СМИ, интернет и другие непрофессиональные средства коммуникации, чтобы пропагандировать свои позиции, якобы ограничиваемые и ущемляемые властными или бюрократическими структурами.

В-шестых, философия зависит от общества, но *не обязана ему служить*, также, как и уподобляться господствующему мировосприятию эпохи. Н.А. Бердяев был убежден, что философия как теория творчества не может быть академической, государственной или буржуазной философией, т.е. духовным пристанищем чиновников и буржуа. «Философ, – подчёркивал он, – не может служить государству или политическим партиям, академиям или профессиональным целям..., не может быть на службе у людей и у частных целей человеческих» [3, с. 291]. Этот ход мыслей созвучен размышлениям В.А. Кутырёва, который заявляет, что ему удаётся обходиться без цеховой и клановой поддержки [1, с. 90]. Но думаю, что мой коллега несколько преувеличивает сложность своей ситуации. Если бы это было так, то вряд ли ему удалось издать столько монографий и получить признание философского сообщества.

Философия должна противостоять технологиям обработки массового сознания. «...Философы – это учителя жизни, а не наркоторговцы и технократы. Не продавцы смертельно сладкой лжи для зомбирования и “прогрессивного снятия” человека» [9, с. 190]. Но могут быть и варианты развития отечественной философии, если у власти окажутся люди, связывающие свою идентичность с западными (преимущественно американскими) стандартами науки и образования. Для таких людей российское общество давно стагнирует, а его философия никак не может преодолеть свою местечковую направленность, эзотеризм и схоластику [1, с. 154].

Таким образом, быть настоящим философом и заниматься практикой философствования – это значит видеть бытие в целом сквозь призму своего персонального бытия, стать абсолютным (трансцендентальным) субъектом мирообразования, способным создавать (проектировать) возможные миры для себя и других, не утрачивая при этом чистоты своего видения и присутствия духа.

Есть ли будущее у нашей философии? Я согласен с несколько пессимистическим прогнозом о будущем философии и философствования в России, который сделал А.П. Огурцов. «Сейчас у нас наступают новые старые времена – времена оплё-

вывания того, что сделано предшествующими поколениями. За этим оплёвыванием ждите эпоху доносов. А будет или нет Большой Террор – зависит от вас» [1, с. 142]. Боюсь, что от нас и от них (новых поколений) зависит не так уж и много. Мы прошли точку невозврата, проглотив расправу с академической наукой и продолжая терпеть гонения на учёных со стороны внутринаучной и вузовской бюрократии. Философы, как академические, так и вузовские, России дезориентированы. К сожалению, многие из них служат не Истине, а интересам своей корпорации, которая чрезмерно опекается сверху нашим авторитарно-бюрократическим государством.

Но я также не склонен в рамках философского дискурса обсуждать условия, при которых нынешний политический режим должен досрочно прекратить своё существование и уступить место более «либеральному» и «демократическому» режиму, где, наконец-то будут доминировать «настоящие» интеллектуалы, которые возьмут дело философии в свои руки, оттеснив на периферию всех ретроградов и реакционеров (Н.С. Розов). Мне почему-то не хочется жить и работать в таком обществе.

Нечто подобное уже происходило с нами в 1990-е гг., когда из всех щелей вылезли вчерашние интеллектуалы-неудачники, перелицевавшие мгновенно в либерал-демократов. Они ждали своего часа, и тот наступил. Сегодня мы пожинаем плоды их неудавшегося эксперимента во всех сферах жизни общества. Теперь наиболее радикальная часть из них пытается дистанцироваться от нынешней власти и создать новую системную, а также укрепить несистемную оппозицию. Она хочет сохранить за собой «свободу рук», готовясь к новым радикальным переменам, которые опять грянут как гром среди ясного неба на головы наших сограждан.

Вот почему я, как и мой коллега В.А. Кутырёв, предпочитаю оставаться консерватором, для которого важнее цена реформ и их возможные последствия, чем сам процесс изменений, осуществляемый любой ценой и путём ломки человеческих судеб. Наверное, это свойственно зрелому возрасту и философскому складу мышления. Не случайно в клубе сегодняшних реформаторов (старого и нового разлива) места для философа не нашлось. Философы, как и прежде, не правят миром, а создают свой храм бытия, строят возможные миры, желая быть везде, как у себя дома.

Однако меня поражает не критический пафос Н.С. Розина, обрушивающего свой несправедный

гнев на существующий политический режим. С его критикой бюрократии я ещё могу согласиться. Но его критика философии деструктивна по сути. Философия оказалась заложницей бюрократической системы, которая не оставляет шанса отечественному философу изменить к лучшему свою профессиональную и экзистенциальную ситуацию. Он обречён на вымирание как вид, которого вытолкнут из профессионального пространства более «сильные» (адаптированные) и бездушные интеллектуалы, владеющие атрибутами западной «учёности». Чиновник равнодушен к тому, кто находится перед ним. Ему нужна пресловутая эффективность и экономия средств, выделяемых на науку.

Но у отечественного философа имеется ещё один неприятель – группа либерально настроенных лиц, занимающих ключевые позиции в науке и образовании. Вот почему в критике Н.С. Розина сквозит острое и крайне пренебрежительное неприятие нынешних российских гуманитариев, мыслящих по-старому или просто иначе (например, в традициях русской культуры), а значит – нелиберально. Именно их автор называет «трусаватой серостью», государственниками, националистами и даже философами-туземцами. При такой логике необходимо вытравить из субъектов философствования русский дух. В России не должно вообще пахнуть Русью. Никаких русских идей. Только трансляция и конвергенция западных идей, а также пресловутая конкуренция, управляемая со стороны либеральных господ, а сразу за ней наступит очередь селекционного отбора угодных деятелей и отбраковки неугодных исследователей. Чем вам не колониальная политика с элементами культурного геноцида? Так что борьба между западниками и «почвенниками» продолжается. К сожалению, либеральная оппозиция не способна на конструктивную критику.

Между постлиберальной бюрократией, находящейся у власти, и псевдолиберальными интеллектуалами, занимающими сегодня ключевые позиции в системе образования и науки, имеется самая тесная связь. На самом деле колониальная и селекционная политика уже проводится в академической и вузовской науке России, правда, по другому, не совсем западному, бюрократическому сценарию. Так что дело Н.С. Розина живёт и процветает. Запущенный радикальными либералами маховик прозападной ассимиляции научных и образовательных программ набирает темпы. Нам навязываются чужие стандарты образования и

научных исследований. На первый план в оценке эффективности научно-педагогических кадров выходит наукометрия с её анонимными индексами цитирования, научными рейтингами и другими показателями формальной научности. Философов и других гуманитариев оценивают не по их реальным достижениям и продуктивности выдвигаемых ими идей (концепций), а по формальным показателям научной активности, придуманных в бюрократических кабинетах и не имеющих никакого отношения к эффективности исследований и разработок на Западе.

Представьте себе, уважаемые читатели, что человек, выдвигающий и поддерживающий столь радикальные требования, окажется когда-нибудь у власти, пусть даже в пределах администрации одного научного или образовательного учреждения. Не трудно догадаться, что на всех тех, кто иначе или «неправильно» мыслит и просто других обрушится вал репрессий. И этот человек призывает нас к открытому и демократическому дискурсу.

Вместо деструктивной критики философия может и должна предлагать свою обоснованную политику. Об этом пишет В.А. Подорога. Для него философская политика есть «свободное действие субъекта, осуществляющего критическую функцию в обществе на основе профессиональной компетенции» [1, с. 490]. Критическая функция философии уже давно стала общим местом, но автор настаивает на том, что философия, чтобы выжить в современной мировой культуре, должна быть политикой, занимающей промежуточное место между опытным знанием и мыслью.

Боюсь, что для продвижения такой политики у нас мало перспектив. Единственное, что надо осознать нашим философам – это необходимость участия в производстве идей и смыслов своего общества. Пора, наконец, понять, что никакие национальные стратегии и программы не могут обойтись без их философского обоснования. Конечно, те, кто отвечает за их разработку, думают иначе и вряд ли проявят интерес к сотрудничеству с философами. Последним нужно находить свои каналы влияния. Но это уже тема отдельного обсуждения.

Быть философом в России нелегко, но ведь и человеком или гражданином быть не просто. Это требует высочайшего духовного напряжения и нравственной самоотдачи. Лучшее всего своё философское кредо сформулировал один из авторов настоящей книги В.А. Кутырёв. В самом конце своего интервью он говорит: «...Несмотря на экспансию в

мир идеологии автогеноцида, варианты которой мы обсуждали, я всё ещё хочу: 1) быть, 2) человеком, 3) бороться за это как нашу реализацию возможных миров. Так продлимся...» [1, с. 90]. Разве можно сказать ещё более оптимистично и жизнеутверждающе.

К этому следует лишь добавить миссию философа, которая состоит в следующем: 4) *мыслить всеобщее во всей совокупности бытия*, 5) *мыслить себя в свободе*, 6) *мыслить из себя (собственной экзистенции)*. Не случайно М.К. Мамардашвили, сколько бы его не цитировали сегодня, рассматривал философию как «мышление о мышлении». А это означает для философа любить мудрость во всех её проявлениях, в т.ч. любить и культивировать мысль в себе самом.

И всё-таки будущее в отечественной философии есть, поскольку имеются ещё философские умы, которые остались верны своему призванию и сохранили укоренённость в русскую культуру.

Какая философия нужна сегодняшней России? Большинство авторов этой книги соответствуют в своей деятельности моему представлению о природе и практике философствования.

Один из главных вопросов, который редактор книги адресует большинству участников бесед, – это вопрос о наиболее авторитетных представителях современной русской философии, которых правомерно называть «учителями мысли». Их именами называют многие авторы и знает большинство читателей. Вот как условно распределяются их отзывы:

П.С. Гуревич – В.В. Бибихин, В.А. Подорога, Г.С. Померанц;

В.А. Кутырёв – А.Ф. Лосев, М.А. Лифшиц, Г.П. Щедровицкий;

С.С. Неретина – В.С. Библер, М.К. Петров, А.П. Огурцов;

А.П. Огурцов – Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев, М.К. Петров, А.Ф. Лосев, В.С. Библер, В.Н. Садовский;

Л.Н. Столович – С.С. Хоружий, В.К. Кантор, М.С. Каган и др.;

А.Ю. Шухов – П.П. Гайденов, А.В. Ахутин.

К сожалению, в рамках данной статьи я не могу подробнее изложить примеры философствования и главные идеи, которые им принадлежат. Эти и другие авторитеты современной отечественной философии называются авторами многих очерков и статей, размещённых в книге. Среди повторяющихся фигур чаще других встречаются В.В. Бибихин, В.С. Библер, А.Ф. Лосев, М.К. Петров. Я бы до-

бавил к ним ещё А.П. Огурцова, человека, который сделал немало для разработки фундаментальных разделов философии. К сожалению, никого из них уже нет в живых. Будем считать, что это заслуженная оценка сообществом их персонального вклада в развитие современной русской философии.

Более важный, на мой взгляд, вопрос, который прямо не ставится А.С. Нилоговым: какой концептуальный вклад внесла русская философия в развитие так называемой мировой философии? К сожалению, на него нет прямых ответов в материалах интервью. А ведь это важно для общей оценки теоретического состояния отечественной философии. К мнению же Н.С. Розова, ставящего отрицательный диагноз теоретических разработкам отечественных философов, я бы не стал прислушиваться. Оно слишком тенденциозно и предвзято.

Но как бы то ни было, отечественные философы, как в центре, так и в регионах, продолжают достойно работать и с большим напряжением удерживать свои позиции. И мне обидно слышать о том, что «в провинции уровень преподавания философии и философского творчества представляется весьма низким. На философских конгрессах доля невежд и чудаков, мнящих себя светочами мысли, скандально велика» [1, с. 153]. Кто даёт право автору этих строк, бесстыдно занимающегося саморекламой и бесконечно цитирующего собственные тексты, оскорблять уважаемых людей и выступать в роли ментора, единственным преимуществом которого является интерпретация чужих идей?

Более взвешенный, хотя и недостаточно разработанный в концептуальном смысле подход демонстрирует В.Н. Сагатовский, рассуждающий о будущем русской философии [1, с. 504]. Не разделяя его методологических оснований, я согласен с ним в одном: русская философия «способна послужить основой нового синтеза и выходу мировой философии из затянувшегося кризиса» [1, с. 506]. Сагатовский видит этот выход в разворачивании предпосылок классической русской философской мысли (ориентация на решение проблем, антропокосмизм, аксиологичность, стремление к целостности, онтологизация субъективности и пр.). Конечно, можно не следовать западной моде, как призывает автор, и отказаться от феноменологии и постмодернистских игр, делая ставку исключительно на добротную русскую классику.

Но мне почему-то представляется, что такой трансметодологический синтез может произойти не внутри русской философии, что позволит спа-

сти мир от забвения философии, а между разными (не в национальном масштабе, а в концептуальном плане) философиями. И этот синтез без феноменологии, экзистенциализма, аналитической мысли уже невозможен. Они должны быть интегрированы в новую философскую парадигму наряду с идеями русских философов.

Ещё у меня сложилось впечатление, что А.С. Нилогов крайне равнодушен к постмодернистскому «крылу» (если можно так выразиться) сегодняшней русской философии. Особенно его задевают фамилии Ф.И. Гиренка и В.А. Подороги, которые фигурируют в материалах предыдущих томов данной серии книг. Не удивительно, что критическому анализу постмодернистских штудий Ф.И. Гиренка редактор посвятил целую монографию («Философия антиязыка»). Последний щедро наделяется А.С. Нилоговым ярлыками самого эпатажного исследователя, философского оборотня и другими, крайне неприятными эпитетами. Я не совсем понимаю, чем заслужил такое неприятие Гиренок лично у А.С. Нилогова. Не исключаю, что эти приёмы используются им в рамках организованной игры в интеллектуализм, а также из соображений пиара и самопиара. Лично я, как и большинство читателей, отношусь к этим философам весьма спокойно и уважительно, а о самом Нилогове узнал совсем недавно, когда познакомился с содержанием выпущенных им книг. Пожалуй, ему тоже не откажешь в эпатажности, особенно, если судить по предисловию, написанному в форме одного предложения-призыва, бросающего вызов всем и вся, кто с ним не согласен.

Более сдержанную оценку этих фигур дали П.С. Гуревич, работающий в близкой мне области философской антропологии, и В.А. Кутырёв, разрабатывающий феноменологический реализм как философию жизненного мира, соразмерного человеку [1, с. 66].

Я согласен с В.А. Кутырёвым в том, что «слава философа у современников редко бывает профанной. Она таинственна. Это признание (у)тех, кто понимает» [1, с. 75]. Однако в отличие от Гуревича, который не испытывает к Ф.И. Гиренку никакой, ни белой, ни серой, ни черной зависти, а принимает его творчество вполне положительно, Кутырёв всё-таки не сдержался, а жаль. Он завидует ему «...серой завистью, с огорчением: что эта публичность не дорогая, с привкусом эпатажа и пиара» [1, с. 75]. Совершенно иначе дело обстоит, с его точки зрения, с более академичными коллегами, у которых

имеются свои школы и сторонники (С.С. Хоружий, П.С. Гуревич, Ю.М. Осипов и др.). Им можно уже по-настоящему завидовать. А стоит ли?

Разве можно упрекать человека в том, что он стремится создать иной стиль философствования? Полагаю, что это нужно ему не только для самоутверждения или пиара, что приписывают часто многим оригинально мыслящим людям, а для того чтобы «преобразить современную философию, которая утратила ритм, экспрессию» [1, с. 33]. Трудно не согласиться с мнением П.С. Гуревича, что философии сегодня нужны «иные драйвы, иной адреналин» [1, с. 33]. Вместо этого мы, как и редактор данной книги, предпочитаем говорить о новых трендах в современной философии, которые, как известно, привносятся извне, а не появляются внутри нашей гуманитарной культуры.

Важно не допускать скатывания философских дискуссий в коммунальные склоки. Поддерживаю С.С. Неретину, сторонницу философского концептуализма и «философии без границ», которая не стала всерьёз комментировать по просьбе А.С. Нилогова «герменевтический скандал», развязанный А.В. Лебедевым и С.Н. Муравьевым по поводу перевода последним Гераклита Эфесского [1, с. 137]. По её мнению, нельзя опускаться в философских дискуссиях на уровень кухонных скандалов. Я с этим полностью согласен, но, увы, иногда сам грешу субъективными и эмоциональными выпадами на людей, не разделяющих мою точку зрения.

Боюсь, что в погоне за эпатажными фигурами философского сообщества и в их нескончаемом преследовании и разоблачении, мы упустим главное – производство новых смыслов и концептов, определяющих картину мира наших соотечественников.

А на эпатажность текстов или выступлений можно не обращать внимание. Это – форма, провоцирующая спор и вызывающая дискуссию. У кого-то это получается блестяще, а кто-то предпочитает вести более сдержанный академический дискурс. Считаю, что театральность некоторых деятелей нашей философии вносит разнообразие в её жизнь. У нас не так много по-настоящему философских театров. И я рад, что могу назвать театры мысли Ф.И. Гиренка, В.А. Подороги, А.В. Перцева и некоторых других коллег, с которыми я меньше знаком, поэтому не называю их фамилии.

Я убеждён, что нам нужна разная, но качественная в профессиональном плане философия. Хочу присоединиться к суждениям профессора

А.П. Огурцова, который считает, что «разноречье в философии перспективнее, чем единомыслие. Оно позволяет развернуть философию в спорах и в критике друг друга, хотя каждый философ тотализирует свои принципы, превращая их в универсальную схематику» [1, с. 141]. Давайте критиковать позиции друг друга, не переходя на личности и не оскорбляя чувств своих оппонентов.

Одним словом, пусть все цветы цветут в отечественной философии при условии, что они резко не противоречат профессиональным и этическим нормам. Нам нужны также самостоятельные философы, которые добавляют свежую кровь в сообщество. А Вы, уважаемые читатели, вправе выбирать: уединяться ли вам с текстами классиков в тиши своих кабинетов, приобщаться к театральной философской жизни или участвовать в мысленных экспериментах философов-одиночек. Лично я люблю разные жанры и стили философствования, лишь бы они талантливы и доставляли мне интеллектуальное удовольствие.

Об одном непродуктивном конфликте или почему нельзя паразитировать на теле философии. Я взялся за написание отзыва исключительно потому, что в книгу вошли тексты многих уважаемых мною авторов. Но имеются и неприятные исключения, которые лежат на совести редактора столь увесистого тома. Если бы я знал о том, что меня ожидает в дальнейшем чтении, то вряд ли взялся за рецензирование книги.

Не знаю, зачем понадобилось А.С. Нилову публиковать заметки Ю.Е. Смирнова «Жёлтый дом 2.0», имитирующие всем известный труд А.А. Зиновьева. Что он хотел этим сказать? Что талантливый молодой человек, претендующий на гениальность и занимающий статус вечного студента, бросил смелый вызов маститым академикам-профессорам и позволил говорить о них в оскорбительно-пренебрежительном тоне. Теперь, после того, как его отчислили с философского факультета МГУ, он в жажде мщения занялся их разоблачением, пишет о них в уничижительной форме, не взирая на разницу в возрасте и положении. Неприятно то, что сразу же после его текста идёт фундаментальная статья академика В.С. Стёпина, что, на мой взгляд, ставит последнего в неловкое положение. Очевидно, что они из разных референтных групп.

Конечно, таким людям, как Ю.Е. Смирнов, наплевать на все приличия. Он легко, не задумываясь, раздаёт направо и налево ярлыки своим бывшим учителям и руководителям, превращая их

одновременно в аморальных монстров, интеллектуальных уродов и карикатурных фигур. Чего стоит только его образ «трёх толстяков». Не дай вам бог иметь такого студента.

Я убеждён, что нравственный урок, который можно извлечь из этой не очень красивой истории, может быть таков: нельзя «бить по лицу» (в прямом и переносном смысле) своих учителей или руководителей и обливать их словесной грязью только потому, что ты с ними не согласен. Это не укладывается в представления о человечности и философской этики.

Как-то не вяжется у меня сюжет всей этой интриги, предложенной в книге. Наверное, сбивает с толку манера её редактора класть в одну корзину цветы и сорняки и тем самым преподносить читателю весьма сомнительный сюрприз. Причём здесь не так важно то, кого считать сорняком. Пусть не обижаются те, кто уже обижен или считает себя обиженным. Можно ведь остановить порочный круг и перестать вымещать злобу на своих обидчиков. Пора, наконец, обиженным и оскорблённым заняться собственным делом и перестать сводить счёты с мифическими фигурами. Своих врагов мы чаще всего себе придумываем сами и затем с неистовой готовностью бросаемся в бой, находя всё новые и новые оправдания своим агрессивным действиям.

Неужели А.С. Нилюгов хочет получить не совсем заслуженную славу провокатора, не менее эпатажного, чем те, кого он представляет в качестве возмутителей спокойствия. Я не понимаю также, зачем понадобилось ему приводить в приложении к данной книге копию обвинительного акта в адрес того же Ю.Е. Смирнова. Не много ли чести человеку, который не состоялся как специалист по философии и вызывает много вопросов как личность, не допускающая каких-либо моральных ограничений.

Этот и некоторые другие материалы снижают высокий теоретический уровень книги и превращает её отчасти в гротескное издание, вызывающее недоумение у одних и досаду – у других. Считаю, что в философском сообществе бывают случаи, которые я бы назвал «возней на обочине канавы». Увы, без коммунальных распрей не обходится и здесь. Но никто не даёт право участникам этих коммунальных игр паразитировать на теле философии и спекулировать высокими именами и категориями.

Кроме того, такое представление о демократии в философском сообществе, граничащее с ощущением вседозволенности, я, честно говоря,

не разделяю. Оно не только непродуктивно, но и крайне вредно, так развращает нравы молодого поколения в философии. А главное – это переходит нравственные границы, поскольку задевает прямо или косвенно человеческие и профессиональные достоинства многих из тех авторов, которые опубликованы в этой книге и которые лично для меня (уверен, что и для многих читателей) являются авторитетами в области философствования. Их в полной мере можно назвать «учителями мысли». Стоило ли совмещать в одной книге тексты этих учителей и не принадлежащих им нерадивых учеников? Разве такие Смирновы представляют сегодня молодую поросль в отечественной философии?

В целом, несмотря на пестроту содержания и отдельные провокационные материалы, вызывающие недоумение, книга является попыткой сформировать новое пространство философского дискурса наряду с имеющимися официальными площадками и формальными институтами.

Кстати, обзор В.И. Красикова о современном состоянии российского философского сообщества, размещённый в конце тома, также вызывает у меня много вопросов. Его деление философских учреждений на три уровня власти и влияния в сообществе достаточно спорно. К тому же получается так, что РФО, разросшееся до невероятных и мало управляемых масштабов, это – хорошая и демократическая организация, а философскими факультетами и отделениями руководят люди, обуреваемые жадностью власти и другими страстями. Неужели неясно, что у руководства всех этих структур стоят одни и те же лица. Кто-то сказал из участников бесед: мы заслуживаем тех лидеров, которых мы имеем. Возможно, скоро появятся новые лидеры из числа молодых, эпатажных и интеллектуально озабоченных людей. Но я очень советую им не начинать свои философские проекты с полного отрицания своих предшественников и возведения братской могилы на их идейном наследии, каким бы невнятным или неубедительным оно не казалось. В философском сообществе можно преуспеть, лишь предлагая собственные оригинальные и достаточно обоснованные идеи, которые вызовут интерес у коллег. Делайте тексты, господа!

Надеюсь, мне удалось убедить читателя, что творческое ядро российского философского сообщества составляет академические исследователи, которые задают сегодня образцы философствования и выступают генераторами идей. Среди них особо выделяют те философы, кого я называю «учителями мысли».

Именно они учат нас тому, как правильно ставить и решать философские проблемы. Но имеется и другая категория, отличающаяся по стилю коммуникаций и придающая философии характер искусства. Их в полной мере можно назвать актёрами театра мысли.

Я бы пожелал редактору этой книги только одно: проявлять больше терпимости к инаковости

(или «другости») старших поколений в философском сообществе и быть немного более уважительным к людям, которые, хотим мы этого или нет, уже вошли в историю современной отечественной философской мысли и их нельзя вычеркнуть отсюда, выдвигая не совсем обоснованные вердикты и присваивая им нелепые ярлыки.

Список литературы:

1. Кто сегодня делает философию в России. Том III / Автор-составитель А.С. Нилогов. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2015. 736 с.
2. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
4. Вайсман Ф. Как я понимаю философию // Путь в философию. Антология. М., 2001.
5. Визгин В.П. Как я понимаю философию. (URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_2/2.pdf (обращение – 20.08.2013 г.)).
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М., СПб., 1998.
8. Джеймс У. Введение в философию. Рассел Б. Проблемы философии / Пер. с фр. А.Ф. Грязнова. М.: Республика, 2000.
9. Кутырёв В.А. Человеческое и Иное: борьба миров. СПб., 2009.
10. Маритен Ж. Философ во граде // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.
11. Марсель Г. В защиту трагической мудрости // Путь в философию. Антология. М., 2001.
12. Путь в философию. Антология. М., 2001.
13. Хайдеггер М. Введение в метафизику / Пер. с нем. Н.О. Гучинской. СПб., 1997.
14. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. М.: Республика, 1993.
15. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество / Пер. с нем. В.В. Библихина, А.В. Ахутина, А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2013.
16. Шлик М. Будущее философии // Путь в философию. Антология. М., 2001.
17. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001.
18. Ясперс К. Введение в философию // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.
19. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / Пер. А.К. Судакова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012.

References (transliteration):

1. Kto segodnya delaet filosofiyu v Rossii. Tom III / Avtor-sostavitel' A.S. Nilogov. M.: OOO «Sam Poligrafist», 2015. 736 s.
2. Berdyaev N.A. Samopoznanie (opyt filosofskoi avtobiografii). M., 1990.
3. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. 608 s.
4. Vaisman F. Kak ya ponimayu filosofiyu // Put' v filosofiyu. Antologiya. M., 2001.
5. Vizgin V.P. Kak ya ponimayu filosofiyu (URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_2/2.pdf (obrashchenie – 20.08.2013 g.)).
6. Gusserl' E. Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. T. 1 / Per. s nem. A.V. Mikhailova. M.: Dom intellektual'noi knigi, 1999.
7. Delez Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofiya? / Per. s fr. S.N. Zenkina. M., SPb., 1998.
8. Dzheims U. Vvedenie v filosofiyu. Rassel B. Problemy filosofii / Per. s fr. A.F. Gryaznova. M.: Respublika, 2000.
9. Kutyr'ev V.A. Chelovecheskoe i Inoe: bor'ba mirov. SPb., 2009.
10. Mariten Zh. Filosof vo grade // Put' v filosofiyu. Antologiya. M.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001.
11. Marsel' G. V zashchitu tragicheskoi mudrosti // Put' v filosofiyu. Antologiya. M., 2001.
12. Put' v filosofiyu. Antologiya. M., 2001.
13. Khaidegger M. Vvedenie v metafiziku / Per. s nem. N.O. Guchinskoi. SPb., 1997.
14. Khaidegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya / Per. s nem. M.: Respublika, 1993.
15. Khaidegger M. Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir – konechnost' – odinochestvo / Per. s nem. V.V. Bibikhina, A.V. Akhutina, A.P. Shurbeleva. SPb.: Vladimir Dal', 2013.
16. Shlik M. Budushchee filosofii // Put' v filosofiyu. Antologiya. M., 2001.
17. Epshtein M.N. Filosofiya vozmozhnogo. SPb.: Aleteiya, 2001.
18. Yaspers K. Vvedenie v filosofiyu // Put' v filosofiyu. Antologiya. M.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001.
19. Yaspers K. Filosofiya. Kniga pervaya. Filosofskoe orientirovanie v mire / Per. A.K. Sudakova. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2012.